

Г. АДАМОВИЧ

Литературные беседы

В последнем из дошедших в Париж номеров Лефа, вместе с рассказами Бабеля и совершенно идиотской «мелодрамой» Сергея Третьякова «Противогазы», которую, судя по примечанию, собираются ставить по всей России, помещено новое, довольно длинное, стихотворение Маяковского «Рабочим Курска».

Это обычная для него вещь, не лучше и не хуже прежних.

У меня нет никакого влечения к поэзии Маяковского, никогда ни одна вещь его мне не нравилась. Это, на мой вкус, скудная поэзия, искалеченная и часто фальшивая. Поставлю здесь точку: я не собираюсь говорить ни о себе, ни о «Маяковском вообще».

Но читая его новые стихи, я все время думал: какое редкое дарование! Надо любить самую плоть стихов, костяк их, чтобы почувствовать, как складываются у Маяковского строфы и каким дыханием они оживлены. Язык у него еще манерный, на советско-футуристический лад. Но в отдельных строчках прекрасный, меткий, сухой, точный — настоящий язык поэта.

Вся сатирическая часть новой вещи, как всегда у Маяковского, хороша. Лирически-восторженная почти невыносима. Так было и в «Войне и мире», и в «150.000.000». Решительно, это какой-то новый Гоголь, которому не удается ничего «положительного». Я пишу все это с определенной целью: надо бы все-таки давно уже разобраться в «левой» поэзии, без пристрастия и без раздражения. Сейчас повсюду восхваляется Есенин, дряблый, вялый, приторно-слащавый стихотворец. За ним идет Тихонов, который все же скорей беллетрист, чем поэт, Асеев, Пастернак, над которым все-таки еще стоит вопросительный знак, затем всевозможные Бобровы, Третьяковы, Мариенгофы, которым нет ни конца, ни счету.

Маяковский, признанный вождь «левых» лет десять назад, сейчас явно теряет лидерство. Он кажется слишком элементарным и простым. Между тем это все-таки единственный поэт среди них, решительно не сравнимый с другими ни по ритмическому размаху, ни по зоркости глаза. Отрицать это может только человек, предвзято настроенный или путающий искусство с тем, что к нему никак не относится.

Если бы другая среда, другая выучка, другая культура, Маяковский сделал бы очень многое.

Кстати, об «идеологическом элементе» у него. Я помню его первые выступления в 1912—13 году, в Тенишевском зале, в «Бродячей собаке». Уже тогда Маяковский был насквозь разрушитель, и от него коробило, уже тогда была в нем вся та ненависть, едкая насмешка, желание все стереть до основания, все сравнять с землей, пройтись Мамаем по миру, которая так пышно расцвела в нем теперь, после революции.

